

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ
ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕ
ТИМУРИДОВ ПРИ ШАХРУХЕ**

**ТАШАККУЛИ ҲОКИМИЯТИ
МАРКАЗОНИДАШУДА ДАР
ДАВЛАТИ ТЕМУРИЁН ДАР
ДАВРАИ ҲУКМРОНИИ ШОҲРУХ**

**FORMATION OF
CENTRALIZED POWER IN
THE TIMURID STATE
UNDER SHAHRUKH**

Ходжаев Мехровар Пардалиевич, канд. истор. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и археологии Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Хоҷаев Мехровар Пардалиевич, н.и.т., дотсенти кафедраи таърихи дунёи қадим, асрҳои миёна ва бостонишиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон)

Khojaev Mehrovar Pardalievich, candidate of History, docent of the department of history of the ancient world, middle ages and archeology under the Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: Mehrovar_kh@mail.ru

Рассматривается процесс функционирования государства Тимуридов при Шахрухе. Особое внимание уделяется методам консолидации власти, административным преобразованиям, взаимодействию с военной элитой – чагатаидскими эмирами, а также внутренним и внешним вызовам, с которыми столкнулся правитель. Анализируется роль династических брачных союзов, с помощью которых укреплялись связи между правящей династией и военной элитой. Эти союзы создавали сложную сеть взаимозависимостей, что препятствовало фрагментации государства, но не исключало периодических конфликтов и восстаний. Отмечено, что Шахрух проявлял сдержанность в наказаниях, предпочитая привлекать влиятельные семьи к управлению, что способствовало поддержанию социальной стабильности. Подчеркивается сложность и многогранность процесса функционирования государства Тимуридов после смерти Тимура. Правление Шахруха рассматривается как этап перехода от завоевательной экспансии к относительно устоявшемуся государственному управлению, основанному на балансе сил и дипломатии в самой династии и в отношениях с военной элитой. Исследование способствует более глубокому пониманию механизмов поддержания власти и внутренней организации Тимуридской империи в начале XV века.

Ключевые слова: Тимуриды, Шахрух, период после Тимура, государственное управление, военная элита, чагатаидские эмиры, политическая стабильность, династические союзы, децентрализация власти, Центральная Азия, XV век

Равандҳои ташаккули давлати Темуриён дар давраи Шохрух мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Таваҷҷуҳи асосӣ ба усулҳои муттаҳидсозии қудрат, ислоҳоти маъмурӣ, ҳамкориҳо бо элитаи низомӣ - амирони чағатой, ҳамчунин ба таҳдидҳои дохилӣ ва хориҷӣ, ки бо он рӯбарӯ шуд, равона шудааст. Нақши иттиҳоди сулола таҳлил мегардад, ки тавассути онҳо пайвастагӣ байни оилаи ҳоким ва элитаи низомӣ таҳким меёфтанд. Ин иттиҳодҳо шабакаи мураккаби ҳамдигарвобастагӣ эҷод мекарданд, ки аз тақсимидави давлат ҷилавгирӣ мекард, вале муноқишаҳо ва ҷӯришҳои давра ба давра низ ба вуҷуд меомаданд. Шохрух дар ҷазоҳо маҳдудият нишон медод ва афзал медонист, ки хонаводаҳои таъсиргузorro таҳти идораи худ нигоҳ дорад, ки ин ба суботи иҷтимоӣ мусоидат мекард. Таҳқиқот мураккабии раванди ташаккули давлати Темуриён дар давраи пас аз Темурро таъкид мекунад. Ҳокимияти Шохрух ҳамчун марҳилаи гузариш аз забткориҳо ба идораи нисбатан устувори давлатӣ бар асоси мувозинаи қудрат ва

дипломатия дар дохили сулола ва бо элитаи низомӣ баррасӣ мешавад. Таҳқиқот ба дарки амиқтари механизмҳои нигоҳдории қудрат ва ташиклоти дохилии империяи Темуриён дар оғози асри XV мусоидат мекунад.

Калидвожаҳо: Темуриён, Шохрух, давраи пас аз Темуриён, идораи давлатӣ, элитаи низомӣ, амирони чағатой, суботи сиёсӣ, иттиҳодҳои сулолаӣ, марказталабии қудрат, Осиёи Марказӣ дар асри XV

The article examines the process of formation of the Timurid state under Shahrukh. Particular attention is paid to the methods of consolidation of power, administrative reforms, interaction with the military elite - the Chagatayid emirs, as well as the internal and external challenges that the ruler faced. The role of dynastic marriage alliances, through which the ties between the ruling family and the military elite were strengthened, is analyzed. These alliances created a complex network of interdependencies that prevented the fragmentation of the state, but did not exclude periodic conflicts and uprisings. It is noted that Shahrukh showed restraint in punishments, preferring to involve influential families in governance, which contributed to maintaining social stability. The complexity and multifaceted nature of the functioning of the Timurid state after Timur's death is emphasized. The reign of Shahrukh is considered as a stage of transition from the expansion of conquest to a relatively stable state administration based on the balance of power and diplomacy within the dynasty itself and in relations with the military elite. The study contributes to a deeper understanding of the mechanisms of maintaining power and the internal organization of the Timurid Empire in the early 15th century.

Keywords: Timurids, Shahrukh, post-Timurid period, state administration, military elite, Chagatais, political stability, dynastic alliances, decentralization of power, Central Asia in the 15th century

В период, последовавший после кончины Тимура (1405), его младший сын Шахрух (1377-1447) смог консолидировать власть над центральными землями, унаследованными от отца. В отличие от Тимура, имевшего склонность к масштабным театрализованным военным походам, Шахрух проявлял сдержанность в проведении военных кампаний, ограничивая их необходимыми стратегическими целями. Он также демонстрировал более развитую склонность к децентрализации власти, что проявилось в значительной автономии провинций и усилении влияния персидской и тюрко-монгольской аристократии [7, с. 39-41].

Данные характеристики, вместе с выраженной религиозностью Шахруха, способствовали формированию его репутации как правителя, преданного исламской вере и передавшего значительную часть управления государством приближенным чиновникам и влиятельной супруге Гавхаршад (1371-1457). Однако подобная оценка, вероятно, базируется на представлении о том, что Тимур оставил после себя централизованное и управляемое государство, что не соответствовало действительности. Шахруху пришлось консолидировать собственную власть посредством военных действий, а также через дипломатические усилия, балансируя между многочисленными центрами власти – династическими, провинциальными [5, с. 125-131].

Несмотря на то, что некоторые современные исследователи, рассматривающие поздний этап правления Шахруха, изображают его как отстранённого и склонного к размышлениям монарха, источники, описывающие ранний и средний периоды его властвования, представляют его как активного участника военных и административных процессов. Даже один из его противников, принц Искандар ибн Умар-шейх, признавал управленческие способности Шахруха [8, с. 68-72], отмечая его умение сохранять внешние формы

религиозного и обычного права и при этом сохранять за собой ключевые решения, несмотря на делегирование широких полномочий подчинённым [4, с. 268].

Военная и династическая история Тимуридского периода формировалась под влиянием двух взаимосвязанных групп – представителей династии Тимуридов и чагатаидских эмиров, происходивших от высших полководцев Тимура. Обе группы имели общее происхождение из улуса Чагатая, включавшего территории Мавераннахра и Восточного Афганистана, что связывало их с наследием Монгольской империи и харизматической фигурой Чингисхана. Статусным положением правящего сословия они в первую очередь были обязаны завоеваниям Тимура, который консолидировал эти земли и возвёл к власти либо их самих, либо их предков. Потомки чагатаидских эмиров оставались ключевыми военными фигурами вплоть до конца существования династии Тимуридов.

Для того чтобы установить и сохранить власть над Тимуридским государством, правитель был вынужден подчинить себе данную группу – как представителей династии, так и эмиров, которые одновременно выступали его главными соперниками в борьбе за власть и важнейшими союзниками в управлении населением подвластных территорий. Оседлые и кочевые народы, населявшие земли Тимуридов, не были политически пассивными или бессильными; однако для обеспечения их лояльности и контроля над ними правитель прежде всего должен был удерживать в подчинении свою семью и военную элиту.

Проблематика, с которой сталкивался Шахрух в процессе правления, претерпевала изменения. В первые пятнадцать лет после смерти Тимура он вел ожесточённую борьбу за власть с другими членами династии. Параллельно с претензиями на верховенство в семейном кругу ему приходилось держать под контролем и чагатаидских эмиров [8, с. 68-72]. Эти два процесса были тесно взаимосвязаны, так как многие эмиры одновременно имели связи с несколькими претендентами и зачастую пользовались свободой выбора в определении своей политической лояльности.

В 823 году хиджры (1420 г.) Шахрух уделил особое внимание возвращению Азербайджана под свою власть; начиная с этого периода и примерно до 835 года хиджры (1431–1432 гг.) он возглавлял стабильное и эффективно функционирующее правительство, способное успешно противостоять внешним вызовам. Однако после 835 года возник ряд новых проблем, а с 840 года хиджры (1436–1437 гг.), в связи с возрастными ограничениями и ухудшением здоровья самого Шахруха, смертью ведущих эмиров, преждевременной кончиной большинства его сыновей, эффективность государственного управления заметно снизилась [11, с.364-369].

Тимур разделил подвластное ему государство на четыре административных региона, управление которыми было поручено семьям его сыновей. Сыновья Мираншаха (1366–1408 гг.) получили в управление Азербайджан, сыновья Умар-шейха – Центральный и Южный Иран, Пир Мухаммад, сын старшего сына Тимура, Джахангира, стал правителем Кабула и прилегающих областей, тогда как Шахрух и его малолетние сыновья были назначены на управление Хорасаном и регионами, окружающими Мавераннахр [4, с. 269-271]. Такая схема управления, по-видимому, воспроизводила принципы разделения земель, практиковавшиеся Чингисханом, однако её не следует воспринимать как признание распада государства. Напротив, Тимур до конца жизни сохранял ревностное стремление к централизации власти и удержанию единства империи.

К моменту смерти Тимура в живых оставались лишь двое его сыновей. Старший из них, Миран-шах, которому тогда было около тридцати семи лет, утратил доверие и был отстранён от управления, предположительно в связи с попыткой мятежа. Шахруху на тот момент было двадцать семь лет. Помимо них, у Тимура оставалось множество внуков, возраст которых варьировался от двадцати девяти лет и до младенчества [1, с.451].

В течение всего Тимуридского периода основу его постоянной армии составляли тюрко-монгольские воины-чагатаи, происходившие из кочевого населения улуса Чагатая. Тимур, изначально пришедший к власти во главе племенной конфедерации, вскоре заменил

племенное ополчение более централизованной армией, командование которой доверял лицам, лично преданным ему.

Большинство военачальников эпохи Шахруха были потомками людей, которых Тимур собрал вокруг себя на раннем этапе карьеры в качестве личной свиты. Он активно укреплял связи этой группы со своей семьёй через многочисленные брачные союзы, в результате чего их потомки становились сродниками тимуридских принцев, принимавших участие в борьбе за власть после смерти Тимура. Вместе с тем, создав эту правящую элиту, Тимур строго контролировал её лояльность. Назначая сыновей и внуков наместниками провинций, он предоставлял каждому из них армию, командование которой в основном осуществляли представители семей его ближайших соратников, при этом тщательно следя за тем, чтобы члены одной и той же семьи служили при разных принцах, что способствовало поддержанию баланса сил и взаимному контролю между властными центрами [6, с.149-151].

К моменту смерти Тимура многие из его первоначальных соратников были заменены их сыновьями и родственниками, которые превратились в опытных и активных военачальников. Хотя большинство изначальных чагатайских племён сохраняло существование, в исторических источниках эпохи Шахруха они упоминаются редко и, по-видимому, играли сравнительно незначительную роль в политической жизни того времени [3, с.57-59].

Прежде чем перейти к обсуждению чагатайских эмиров, целесообразно уточнить само понятие об этой социальной группе. Их особенность заключалась не в полной изоляции от гражданского общества и не в исключительной монополии на военную силу, а прежде всего в тесной близости к династии Тимуридов и в почти полном контроле над высшими военными должностями.

Что касается высшего военного командования, то оно состояло из сравнительно небольшой группы – от семидесяти до ста человек, включая эмиров, служивших при тимуридских наместниках. Для определения круга лиц, которых можно отнести к чагатайским эмирам, в первую очередь использовались династические летописи, выделяющие тех, кто последовательно упоминался в связи с военными походами и занимал ответственные должности [7, с. 16].

Центральной должностью в тимуридской военной и административной иерархии считался пост эмира дивана (амир диван), который объединял и военные, и управленческие функции. Значимой позицией была также должность товачи — инспектора войск. Эти эмиры составляли опору высшего военного командования, выступая в роли командиров туменов – крупнейших воинских подразделений, теоретически насчитывавших до 10 000 человек, наместников провинций и ближайших советников правителя. Большинство из них принадлежали к чагатайской знати и практически все были тюрками или тюрко-монголами.

Должность эмира дивана существовала как при тимуридских принцах, так и при верховном правителе, и предполагала широкую ответственность в сфере военного управления и гражданской администрации. Принцы и эмиры активно участвовали в региональном управлении: одни выступали в роли губернаторов, другие – надзирателей за диванами или обладателей доходных земельных пожалований (союргалов) [2, с.2-15].

Многие чагатайские эмиры времён Тимура были опытными пожилыми людьми, служившими при нескольких принцах и часто выполнявшими функции не просто подчинённых, а наставников и опекунов. Их главная лояльность была направлена непосредственно на самого Тимура, а не на того принца, к которому они были приписаны, поэтому их привязанность к отдельным членам династии была слабо выраженной. Более того, значительная часть этих эмиров продолжала службу в составе центральной армии.

Подобно принцам, эмиры зависели в своей власти от существования династии, а их авторитет опирался на память о Тимуре как основателе государства. В первые годы после смерти Тимура эмиры неоднократно поднимали восстания: иногда выражая недовольство политикой того или иного принца, к которому были приписаны, иногда стремясь к полной независимости, а порой переходя на службу к другим правителям, обещавшим лучшие

перспективы. Концом периода политической нестабильности стало объединение государства, которое лишило эмиров возможности искать убежище и альтернативные центры власти вне центральной власти.

Как и Халил-султан, Шахрух сталкивался с мятежными эмирами, однако имел значительное преимущество, поскольку уже на протяжении шести лет удерживал под контролем свою провинцию и сохранял приверженность к одной армии. Тем не менее, он утратил лояльность нескольких крупных эмиров, особенно тех, кто служил ему при жизни Тимура [9, с. 451].

Из видных эмиров, назначенных в свиту Шахруха его отцом, значительная часть – половина и более – подняли восстание вскоре после смерти Тимура. Эти мятежи представляли серьёзное испытание для Шахруха, однако ущерб от них был сглажен его относительной снисходительностью. Хотя некоторые из мятежников были казнены или сосланы, Шахрух воздерживался от преследования их родственников, что позволило сохранить службу для представителей большинства семей и не нарушить общей структуры правящей элиты [5, с. 369].

Армия, переданная Шахруху Тимуром, включала нескольких личных соратников завоевателя и их потомков, а также значительное число эмиров из рода Капучин – влиятельной группы чагатаев из Мавераннахра. Старшим среди них был Сулейман-шах, один из ближайших приближённых Тимура, вероятно, назначенный своего рода надзирателем за Шахрухом. Сулейман-шах был женат на дочери Тимура, а его сын Юсуф – на дочери Мухаммада-султана, сына Джахангира [7, с. 46-49].

Другим видным эмиром был Мизраб, сын Чекю Барласа, одного из самых ранних соратников Тимура, чья семья была щедро вознаграждена. Двоюродный брат Мизраба, Эдигу, женился на двоюродной сестре Тимура и занимал должность правителя Кирмана. Мизраб унаследовал земли и войска своего отца, расположенные в Кундузе и Баглане [8, с. 136].

Амир Абд ас-Самад, сын хаджи Сейф ад-Дина, происходил из семьи, тесно связанной с ближайшим окружением династии. Две его сестры были замужем за тимуридскими принцами, что подчёркивало значимость его рода в политической структуре государства. Ещё два эмира – Али Тархан и Хасан Суфи Тархан, являлись сыновьями Гияс ад-Дина Тархана, чья семья активно укрепляла связи с династией через брачные союзы [10, с.347-349]. Из дочерей Гияс ад-Дина особенно выделялась Гавхаршад, ставшая самой влиятельной женой Шахруха, в то время как две другие её сестры вышли замуж за сыновей Умара-шейха, старшего сына Тимура [1, с.369-375].

Все перечисленные эмиры пользовались благосклонностью династии и имели непосредственный интерес к её продолжению и укреплению. Однако следует подчеркнуть, что все пожалования и привилегии, которыми они обладали, были дарованы им Тимуром, а не Шахрухом.

Первым из известных мятежей, вероятно, было восстание Пира Мухаммада, сына Пулада, назначенного правителем Сари в Мазандеране. Точная дата этого восстания не зафиксирована, однако оно, скорее всего, произошло вскоре после смерти Тимура, то есть до 809 года хиджры (1406–1407 гг.), поскольку к этому времени управление Сари было передано другому тимуридскому наместнику [1, с. 379].

Следующим значимым мятежником стал Сулейман-шах, сын Давуда Дуглата, который покинул службу у Шахруха в начале 808 года хиджры (1405 г.). В последние годы жизни Тимура Сулейман-шах был отстранён от армии Шахруха и назначен губернатором Райя и Фирузкуха. Позже, когда Шахрух отказался помиловать одного из мятежных принцев по просьбе Сулейман-шаха, тот ушёл в оппозицию и перешёл на сторону Халила-султана, одного из претендентов на власть [8, с.78-82].

О дальнейшей судьбе Сулейман-шаха и его семьи сохранилось мало сведений. Известно лишь, что его сын Рустам позже фигурировал среди эмиров при дворе Улугбека [7, с.112].

В том же году произошло ещё одно восстание, которое наглядно продемонстрировало нестабильность положения Шахруха относительно лояльности его эмиров, а также его

готовность сохранять покровительство над семьями мятежников. Восстание возглавил Сайид Ходжа, сын шейха Али Бахадура, при поддержке нескольких других потомков Тимура, включая Абд ас-Самада, сына хаджи Сейф ад-Дина, который был связан брачными узами с семьёй Умара-шейха, а также четырёх сыновей Уч-Кара [2, с.16-26].

Среди участников восстания был Шамс ад-Дин, близкий к Шахруху ещё при жизни Тимура. За участие в мятеже Сайид-ходжа был казнён, тогда как его сообщники бежали в Фарс, где нашли службу при сыновьях Умара-шейха [4, с.268-287].

Несмотря на подавление восстания, представители семьи Сайид-ходжи, потомки шейха Али Бахадура, сохранили покровительство Шахруха. Два брата Сайид-ходжи занимали важные должности эмира дивана и провинциальных губернаторов в Ираке. Впоследствии эти посты были переданы их детям. Таким образом, в период правления Шахруха эта ветвь чагатайских эмиров продолжала оставаться одной из влиятельнейших [7, с.145].

Также не последовало преследований в отношении другого участника заговора, Абд ас-Самада, сына хаджи Сейф ад-Дина. Он вернулся на службу к Шахруху в 817 году по хиджре (1414 г.), после нескольких лет заметной службы при сыновьях Умара-шейха в Фарсе [10, с.351-357]. Абд ас-Самад занимал высокие должности и в армии, и в администрации, служил товачи и городским губернатором вплоть до смерти в 835 году по хиджре (1432 г.) [6, с.154-158].

Шамс ад-Дин, сын Уч Кара, вернулся на службу к Шахруху несколько раньше, однако сведения о его дальнейшей карьере весьма скудны. Его братья и сыновья также служили при Шахрухе [4, с. 289].

Семья Хасана Джандара, одного из эмиров, назначенных Шахрухом в Хорасан, несмотря на предыдущее проявление нелояльности, также осталась частью правительственного окружения. В конце 810 года по хиджре (1408 г.) несколько военнотружующих армии Шахруха приняли участие в заговоре, вызванном протестом против налогов, введенных его визирем. Восстание возглавил Джаханмалик, в нём участвовали Хасан Джандар и его сын Юсуф Джалил. Джаханмалик был казнён, а остальные бежали под защиту тимуридских принцев Фарса. Хасан Джандар скончался там, однако Юсуф Джалил вернулся к Шахруху после поражения Искандера, сына Умара-шейха, в 817 году (1414 г.) и, подобно Абд ас-Самаду, занял высокое положение, командуя туменом [3, с. 66].

К 811 году (1408–1409 гг.), когда Шахруха пригласили в Мавераннахр, он подавил самые серьёзные внутренние вызовы в своей провинции. Его государство оставалось целостным, а казна – менее опустошённой, чем у большинства других тимуридских принцев. К тому времени многие его соперники либо умерли, либо были свергнуты, причём Шахрух почти не прибегал к прямым репрессивным мерам. Сыновья Мираншаха и Джахангира утратили силу для конкуренции за центральную власть [2, с.48-56].

Шахрух теперь был единственным живым сыном Тимура. Несмотря на то, что на момент смерти отца ему было всего двадцать семь лет, он обладал значительным преимуществом в устойчивом управлении богатой провинцией Хорасан, куда был назначен в 799 году по хиджре (1396–1397 гг.). Ему сопутствовала удача, так как в его владениях отсутствовала династическая конкуренция: старшие сыновья Улугбек и Ибрахим-султан были ещё детьми в возрасте около десяти лет. Это ставило Шахруха в выгодное положение для утверждения власти над более обширным государством [1, с. 287].

Таким образом, в период правления Шахруха Тимуридское государство прошло этап консолидации и укрепления политической власти после смут и распрей, характерных для времени, последовавшего сразу после смерти Тимура. Шахрух смог восстановить экономическую стабильность, развить культурные и научные центры, особенно в Хорасане и Мавераннахре. Его внешняя политика была направлена на поддержание мира и укрепление дипломатических связей с соседними державами, что способствовало процветанию и долгосрочной стабильности государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ибн Арабшах, Ахмад. Тамерлан или Тимур, Великий Амир. / Перевод Дж. Х. Сандерса. - Лондон: Лузак, 1936. - 468 с.
2. Маркаши, Сайид Захир ад-Дин ибн Насир ад-Дин. Тарих-и Гилан ва Дейламистан. / Редактор Манучихр Сутуда. - Тегеран: Бунёд-и Фарханги Иран, 1347/1968-69. - С. 13-156.
3. Мирханд, Мухаммад ибн Хандишах ибн Махмуд. Равзат ас-сафа фи сира аль-авлия ва аль-мулук ва аль-хулафа. - 10 томов. - Тегеран: Марказ-и Хайям Пируз, 1338-39/1960. - С. 56-87.
4. Самарканди, Абд ар-Раззак. Матла ас-саъдайн ва маджма аль-бахрайн. / Редактор Мухаммад Шафиг. 2 тома. - Лахор: Китобхона-и Гилани, 1360-68/1941-49. - 459 с.
5. Самарканди, Давлатишах ибн Ала ад-Даула. Тазкират аш-шуъара. / Редактор Э. Г. Браун. - Лондон: Лузак, 1901. - 587 с.
6. Хандамир, Гияс ад-Дин ибн Хумам ад-Дин. Дастур аль-вузара. / Редактор Саид Нафиси. - Тегеран: Иқбал, 1317/1938-39. - С. 149-266.
7. Хандамир, Гияс ад-Дин. Хабиб ас-сияр фи ахбар афрад аль-башар. / Редактор Мухаммад Дабир Сияки. 4 тома. - Тегеран: Хайям, 1333/1955-56. - С. 36-158.
8. Хандамир, Гияс ад-Дин. Хабиб ас-сияр фи ахбар афрад аль-башар. / Перевод Уилера М. Такстона. В книге: Уилер М. Такстон. *Habibus-siyar*. Том третий. 2 тома. - Кембридж, Массачусетс, 1994. - С. 68-209.
9. Ходжа Самарканди, Абу Тахир. Самария: Описание природных особенностей и святынь Самарканда // Редактор Ирадж Афшар. - Тегеран: Фарханги Иран замин, 1343/1965. - 588 с.
10. Шами, Низам ад-Дин. Зафар-наме / Редактор Ф. Тауэр. - Прага: Восточный институт, 1956. - 652 с.
11. Язди, Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. / Редактор Мухаммад Аббаси. 2 тома. - Тегеран: Амир Кабир, 1336/1957. - 760 с.

REFERENCES:

1. Ibn Arabshah_Ahmad. Tamerlane or Timur, the Great Amir. //Trans. J. H. Sanders. - London: Luzac, 1936.- 468 pp.
2. Marqashi, Sayyid Zahir al-Din b. Nasir al-Din. Tarikh-i Gilan wa Daylamistan// Edited by Manuchihr Sutuda. -Tehran: Bunyad-i Farhang-i Iran, 1347/1968-69.-PP. 13-156.
3. Mirkhwand, Muhammad b. Khwandshah b. Mahmud. Rawdat al-shafa fi sirat al-awliya' wa-l-muluk wa-l-khulafa// 10 vols. -Tehran: Markaz-i Khayyam Piruz, 1338-39/1960.-PP. 56-87.
4. Samarqandi, Abd al-Razzaq. Maṭla al-sa'dayn wa majma al-baḥrayn// Ed. Muhammad Shafi. 2 vols. - Lahore: Kitobkhona-i Gilani, 1360-68/1941-49.- 459 pp.
5. Samarqandi, Dawlatshah b. Ala al-Dawla. Tadhkirat al-shu'ara //Ed. E.G. Browne. -London: Luzac, 1901.- 587 pp.
6. Khwandamir, Ghiyath al-Din b. Humam al-Din. Dastur al-wuzara. //Edited by Sa'id Nafisi. - Tehran: Iqbal, 1317 SH / 1938-39.- PP. 149-266.
7. Khvandamir, Ghiyath al-Din. Ḥabib al-siyar fi akhbar afrad al-bashar// Edited by Muhammad Dabir Siyaqi. 4 vols. -Tehran: Khayyam, 1333 SH/ 1955-56.-PP. 36-158.
8. Khvandamir, Ghiyath al-Din. Ḥabib al-siyar fi akhbar afrad al-bashar// Translated by Wheeler M. Thackston. In Wheeler M. Thackston, *Habibus-siyar*. Volume Three. 2 vols. -Cambridge, MA: Sources of Oriental Languages and Literatures 24, 1994.-PP. 68-209.
9. Khwaja-yi Samarqandi, Abu Tahir. Samariyya: Dar bayan-i awṣaf-i Ṭabi wa mazarat-i Samarqand. //Edited by Iraj Afshar. - Tehran: Farhang-i Iran Zamin, 1343 SH / 1965.- 588 pp.
10. Shami, Nizam al-Din. Zafarnama //Edited by F. Tauer. -Prague: Oriental Institute, 1956.- 652 pp.
11. Yazdi, Sharaf al-Din Ali. Zafarnama. //Edited by Muhammad Abbasi. 2 vols.- Tehran: Amir Kabir, 1336/1957.- 760 pp.